

Замѣтки о Пушкинѣ

I.

О „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“.

ъ примѣчаніи къ „Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, помѣщенномъ во II томѣ издаваемого С. А. Венгеровымъ собранія сочиненій Пушкина, стр. 531—532, пишущій эти строки выразилъ сомнѣніе въ принадлежности этихъ стиховъ перу Пушкина. Мое примѣчаніе вызвало любезное сообщеніе Ю. Н. Щербачева, владѣющаго нѣкоторыми бумагами П. П. Каверина, что въ сохранившейся до нашихъ дней тетради Каверина, относящейся къ двадцатымъ годамъ, извѣстнымъ стихамъ Пушкина: „Забудь, любезный мой Каверинъ“... предпослана замѣтка Каверина, что стихи эти были ему присланы Пушкинымъ черезъ нѣсколько дней послѣ написанія „Молитвы“. Изъ указанной замѣтки Каверина, какъ сообщаетъ г. Щербачевъ, можно заключить, что „Молитва“ была написана къ Рождеству, какъ святочная шутка.

Принадлежность „Молитвы“ Пушкину была подвергнута сомнѣнію въ виду слѣдующихъ соображеній, которыя считаю нелишнимъ привести здѣсь снова. Впервые объ этой пьесѣ упомянулъ А. Н. Афанасьевъ (псевдонимъ: „И. М—къ“) въ своей статьѣ „По поводу послѣдняго изданія сочиненій Пушкина“ („Библиографическія Записки“ 1858 г., ст. 337), отнесшій ее къ 1817 г. и сообщившій, что она „надѣлала было большихъ хлопотъ поэту“. Напечатана она была въ первый разъ въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) сборникѣ „Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій“, Берлинъ, 1861 г., стр. 7—8, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ (стр. 227—228): „Помянутая молитва,

написанная на дежурствѣ Завадовскаго, была поднята Пашковымъ. Оскорбленный въ лицѣ своего носа Пашковъ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и грозилъ побить Пушкина. Завадовскій, чтобы избавить Пушкина отъ непріятности, принялъ эти стихи на себя,—и дѣло грозило окончиться дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія съ цѣлью помирить ихъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что на сходкѣ благоразумная партія объявила это дѣло дружескимъ, пустяшнымъ, а противная, боясь высказаться, промолчала и тѣмъ согласилась съ первой“. Послѣ этихъ словъ отмѣтка въ скобкахъ: „Сообщено Сабуровымъ“. Этого скандала касается напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г., III, 406—407, письмо И. В. Васильчикова къ князю П. М. Волконскому. „У гвардейскихъ гусаръ случилась маленькая исторія, и такъ какъ она можетъ дойти до васъ въ превратномъ видѣ, то я вамъ ее расскажу самъ. Графъ Завадовскій, офицеръ этого полка, позволилъ себѣ написать эпиграммы на своихъ товарищей въ одной изъ книгъ гауптвахты. Я узналъ это, не подозрѣвая еще, кто авторъ, и принялъ мѣры, чтобы разыскать виновнаго. Возвратившись изъ Ладogi, я услышалъ, что офицеры узнали про это обстоятельство и, обиженные, какъ и должно быть, послали сказать полковнику Крекшину, что желаютъ, дабы было доведено до моего свѣдѣнія это дѣло. Теперь уже все это кончено, и гусарскіе офицеры очень хорошо поступили въ этомъ случаѣ. Графъ Завадовскій почувствовалъ неприличіе своего поведенія и извинился передъ своими товарищами. Офицеры его простили, и всѣ меня умоляли не наказывать его, а главное—никакъ не доводить до свѣдѣнія Е. И. В. Государя шалость, которая можетъ повредить ему во мнѣніи его монарха“. Письмо не датировано и снабжено примѣчаніемъ, что въ немъ говорится о графѣ Александрѣ Петровичѣ Завадовскомъ. Гаевскій, а за нимъ другіе комментаторы говорятъ, что эта пьеса вызвала извиненіе Пушкина передъ задѣтымъ въ ней П. П. Каверинимъ, къ которому поэтъ обратился съ просьбой: „Забудь, любезный мой Каверинъ, минутной рѣзвости нескромные стихи“... (въ „Молитвѣ“ говорилось о пьянствѣ Каверина). Она была перепечатана В. П. Гаевскимъ („Современникъ“ 1863 г., № 8, стр. 392—393), какъ несомнѣнно пушкинское стихотвореніе, и внесена въ изданія П. О. Морозова (Литерат. фонда, т. VII, стр. LIV, и „Просвѣщенія“, т. I, стр. 500) и П. А. Ефремова (А. С. Суворина, т. VIII, стр. 76—77). Л. Н. Майковъ (I т. академ. изд., 2-ое изд., прим., стр. 376) не отвергъ этихъ стиховъ, хотя, надо замѣтить, въ текстъ (его трудъ завершенъ 1817 годомъ) не внесъ ихъ. Въ библиотекѣ Имп. Ака-

деміи Наукъ находится копія этой пьесы, сдѣланная П. В. Анненковымъ; по словамъ составителя „Описанія“ принадлежащей академіи пушкинской коллекціи („Пушкинъ и его современники“, т. I, вып. IV, стр. 36), „подъ заглавіемъ отмѣчено, что стихотвореніе это получено отъ Сабурова, въ концѣ объяснительная къ стихотворенію Пушкина приписка Анненкова“.

Въ книгѣ К. Манзея „Исторія лейбъ-гвардіи гусарскаго полка“ ч. III, Спб., 1859, гдѣ перечислены всѣ офицеры полка, мы не находимъ имени графа Александра Петровича Завадовскаго (несомнѣнно „Русс. Архивъ“ ошибся), а находимъ имя его брата, графа Василя Петровича (стр. 95), который изъ камеръ-юнкеровъ Е. И. В. перешелъ въ л.-гусарскій полкъ корнетомъ 18 февраля 1818 г. А. В. Пашковъ, будто бы хотѣвшій поколотить Пушкина, 4 іюня 1817 г. (стр. 58—59), перешелъ въ Тверской драгунскій полкъ. Князей Любомірскихъ въ гусарскомъ полку было двое: одинъ перевелся въ Преображенскій полкъ 27 октября 1817 г. (стр. 45), а другой 26 іюня 1817 г. вышелъ въ отставку (стр. 73). Баронъ И. Ѳ. Кнабенау перешелъ на службу въ Стародубовскій кирасирскій полкъ 17 октября 1817 года (стр. 76). Рахмановыхъ было въ полку двое—юнкерами, а потомъ офицерами, одинъ съ 1819 г., другой съ 1820 г. (стр. 102—103). С. Ѳ. Гернгротъ былъ въ полку съ 11-го марта 1818 г. (стр. 95). Въ „Молитвѣ“ поименованы, повидимому, не только наличные офицеры полка, но даже нѣкоторые ушедшіе изъ него и младшіе товарищи-юнкера. Изъ того, что Завадовскій сталъ корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка лишь въ 1818 г., видно, что письмо князя Волконскаго, гдѣ онъ названъ офицеромъ, могло быть написано, конечно, не ранѣе этого года. Такимъ образомъ „Молитва“ позднѣе 1817 г., и, значитъ, въ посланіи „Къ П. П. Каверину“, которое самъ Пушкинъ отнесъ къ 1817 г., подъ „нескромными стихами“, которымъ авторъ проситъ прошенія, разумѣется никакъ не „Молитва“. А. Н. Аванасевъ не говоритъ, откуда почерпнуто имъ извѣстіе объ этой пьесѣ, а лишь о неприятностяхъ, которыя навлекла она на Пушкина. Гербель, ссылаясь на Сабурова, не указываетъ его имени и отчества; между тѣмъ въ гусарскомъ полку было, судя по сообщенному К. Манзеемъ списку, одновременно четверо Сабуровыхъ (стр. 82, 83—84, 95—96): Яковъ Васильевичъ, Андрей Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ. На кого изъ нихъ ссылается Гербель, неизвѣстно. Съ какимъ-то Сабуровымъ Пушкинъ былъ, по словамъ С. Д. Комовскаго, близокъ въ Царскомъ Селѣ (Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, Спб., 1899 г., стр. 220). Объ одномъ Яковѣ Сабуровѣ Пушкинъ писалъ брату въ 1825 г.: „Есть.

у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина...“; „если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать“... Есть у Пушкина относящійся къ 1824 г. черновой набросокъ:

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятныя затѣи,
Какъ я съ Каверинимъ гулялъ и т. д.

Какой-то Сабуровъ упоминается въ „Онѣгинъ“ (глава 8, стр. XXVI):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души...

Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли написалъ „Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“? Нѣтъ основаній рѣшительно отвергнуть его авторство, но нельзя положительно признать пьесу принадлежащую ему, тѣмъ болѣе, что ничего специфически-пушкинскаго нѣтъ въ этой слабой вещицѣ.

Изложенныя соображенія, какъ упомянуто выше, навели меня на мысль, что въ посланіи „Забудь, любезный мой Каверинъ“... подъ „минутной рѣзвости нескромными стихами“ разумѣтся не „Молитва“, а какая-нибудь другая пьеса, не дошедшая до насъ (венгеровс. изданіе, II, стр. 531). Изъ трехъ дошедшихъ до насъ собственноручныхъ пушкинскихъ полныхъ списковъ посланія въ двухъ оно помѣчено 1817 годомъ—въ извѣстной тетради графа П. И. Капниста („Автографы Пушкина, принадлежащія графу П. И. Капнисту“, сообщеніе Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 5) и въ майковской коллекціи рукописей Пушкина, принадлежащей Академіи Наукъ („Пушкинъ и его современники“, IV, стр. 3). Но оба эти автографа представляютъ собою позднѣйшіе списки: капнистовская тетрадь относится къ 1825 г., когда Пушкинъ готовилъ въ свѣтъ свой первый сборникъ стиховъ; академическій автографъ, по словамъ „описанія“ майковской коллекціи, писанъ на бумагѣ съ знакомъ 1823 г.; подъ нимъ Пушкинъ приписалъ: „къ Щерб. 1819), къ Дав.“ (здѣсь разумѣются посланія къ М. А. Щербинину: „Житье тому, любезный другъ“... и къ Д. В. Давыдову, 1821 г.: „Недавно я въ часы свободы“...) Въ печати посланіе къ Каверину появилось тоже датированное 1817 годомъ. Дата эта была указана самимъ авторомъ,—но все-же мы можемъ усомниться въ ней.

Мы знаемъ изъ изученія рукописей Пушкина, что ему не разъ случалось не только дѣлать простыя описки¹⁾, но даже колебаться

¹⁾ См. объ опискахъ Пушкина замѣтки Валерія Брюсова и мою въ «Русс. Архивъ» 1906 г., I, 328; II, 636—638.

въ датировкѣ своихъ произведеній тѣмъ или инымъ годомъ. Въ той же кшиневской тетради имъ были исправлены написанныя раньше невѣрно даты стиховъ къ Катенину („Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ“ ..., элегій „Я пережилъ свои желанья“... и „Умолкну скоро я“... Примѣры такихъ же перемѣнъ, сдѣланныхъ Пушкинымъ, можно видѣть въ плетневскомъ списокѣ стиховъ Пушкина, предназначенныхъ для изданія 1826 г. (Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ, I, 293, 294), въ автографѣ „Аквилона“ (см. Пушкинъ и его современники“, вып. IV, стр. 12), въ 2365-ой тетради Румянцовскаго музея, л. 59 („Русс. Стар.“ 1884 г., апр., 105); можно указать еще не мало подобныхъ поправокъ. Такъ какъ оба указанные списка посланія къ Каверину относятся къ двадцатымъ годамъ, то весьма возможно, что Пушкинъ датировалъ ихъ невѣрно, не припомнивъ точно года, когда эти стихи были написаны. Нѣкоторую силу этому предположенію даетъ слѣдующее соображеніе.

Есть еще одинъ автографъ посланія къ Каверину. Онъ представляетъ собою часть первоначальной редакціи пьесы, писанную карандашемъ, съ чернильными поправками, и находится въ черновой тетради Пушкина, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ и известной подъ № 2364 (л. 58). На нѣсколькихъ предшествующихъ наброску и на слѣдующихъ страницахъ рукописи находятся черновики третьей и начала шестой пѣсни „Руслана и Людмилы“ прозаическаго наброска: „У гусара ^{***} было дружеское собраніе“..., эпиграммы „Добрый человекъ“ и другихъ произведеній, которыя всѣ написаны въ 1818—1819 годахъ. Это позволяетъ намъ уже съ большей вѣроятностью утверждать, что посланіе къ Каверину тоже написано позднѣе 1817 г.

Показаніе Каверина, подкрѣпляемое сообщеніемъ Сабурова и письмомъ Васильчикова, устраняетъ какъ всякія сомнѣнія въ принадлежности „Молитвы лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“ перу Пушкина, такъ и предположеніе, что „минутной рѣзвости нескромными стихами“ Пушкинъ въ посланіи къ Каверину называлъ не „Молитву“, а какіе-нибудь другіе стихи. Ясно, что Пушкинъ невѣрно датировалъ посланіе въ позднѣйшихъ спискахъ 1817 годомъ, и что оно написано въ самомъ концѣ 1818 или въ первыхъ числахъ января 1819 г., черезъ нѣсколько дней послѣ „Молитвы лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, которую Пушкинъ сложилъ къ Рождеству 1818 г. какъ *chanson de Noël*, въ модномъ шуточномъ жанрѣ тѣхъ дней.

Что въ данное время не всѣ упомянутыя въ „Молитвѣ“ лица состояли офицерами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, никакого значенія не имѣетъ. Пушкинъ не перечислялъ въ своей „Молитвѣ“ наличный составъ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ, а просто назвалъ

цѣлый рядъ хорошо знакомыхъ другъ другу въ царскосельскомъ военномъ кругу лицъ, указавъ ихъ смѣшные характерные признаки.

II.

Кольцо Зеленой Лампы.

Послѣ посвященныхъ знаменитой „Зеленой Лампѣ“ статей А. Н. Веселовскаго ¹⁾ и въ особенности П. Е. Щеголева ²⁾, вполне разрушившихъ легенду объ „органическомъ“ характерѣ этого общества, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ серьезности интересовъ, занимавшихъ лампистовъ, которые молодую шумную веселость съ ея обычными спутниками — „Киеерой и бокаломъ“, умѣли такъ просто и гармонично сочетать „съ Портикомъ и съ книгой“. Какъ нельзя краснорѣчивѣе говорить объ этомъ сочетаніи извѣстное письмо Пушкина, 27 октября 1819 г., къ товарищу по „Зеленой Лампѣ“ П. Б. Мансурову; веселость бьетъ въ немъ ключемъ и даже выливается нѣсколько разъ въ такихъ словахъ, какихъ положительно не терпитъ бумага, но въ концѣ его звучитъ серьезная гражданская нотка: „поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ“...

При знакомствѣ съ подлинникомъ этого письма, хранящимся въ принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ собраніи автографовъ, обращаетъ на себя вниманіе печать, которою оно было скрѣплено. По обычаю тогдашняго безконвертнаго времени оно было аккуратно сложено, что видно по сгибамъ бумаги; на оборотѣ надписано имя адресата, а на противоположныхъ краяхъ, которые были скрѣплены сургучной печатью, почти цѣликомъ сохранились обѣ половинки оттиска. Красивый и довольно ясный оттискъ маленькой печатки изображаетъ сосудъ, вродѣ античнаго свѣтильника, незажженного, съ высокой ручкой, изображающей не то змѣю, не то длинную птичью шею съ головой. Это единственный извѣстный оттискъ этой печати въ пушкинской перепискѣ; на другихъ письмахъ Пушкина его нѣтъ. Судя по величинѣ печатки, она должна была украшать собою перстень. Неизвѣстно, было ли когда-нибудь у Пушкина кольцо съ такой печатью,—но то же письмо даетъ нѣкоторыя основанія думать, что не было, и что Пушкинъ запечаталъ письмо чужимъ кольцомъ. Письмо начинается словами:

¹⁾ Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. I.

²⁾ «Пушкинъ и его современники», вып. VII.

„Насилу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ...“ „Позволеніе“ Всеволожскаго, вѣроятно, надо понимать, какъ согласіе переслать Мансурову вмѣстѣ со своимъ письмомъ и письмо Пушкина, который воспользовался представившейся ему возможностью подать пріятелю, находившемуся тогда въ Новгородской губерніи, въ центрѣ аракчеевщины, вѣсть съ оказіей. Содержаніе письма таково, что вѣрить его почтѣ было небезопасно; вообще Пушкинъ, конечно, не безъ вѣскихъ основаній, не особенно вѣрилъ въ склонность россійской почты уважать тайну вѣрjаемей ей корреспонденціи; „сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи“, сказалъ онъ однажды ¹⁾. Весьма возможно, что случай писать Мансурову представился Пушкину неожиданно, и что письмо было написано поэтомъ не у себя дома, а у Всеволожскаго, кольцомъ котораго Пушкинъ и запечаталъ свое письмо.

Едва-ли печать была употреблена случайно, какая попалась. То было время таинственныхъ колецъ, масонскихъ знаковъ. Герой „Барышни-крестьянки“, плѣнявшій уѣздныхъ дѣвицъ разсказами „объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности, сверхъ того носилъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума“. Особья кольца были у членовъ масонскихъ ложъ. Подобное кольцо было и у лампистовъ.

„Откровенный“ Я. Н. Толстой, докладную записку котораго напечаталъ недавно П. Е. Щеголевъ, разсказывая о „Зеленой Лампѣ“, повѣдалъ: „составлены также кольца, на коихъ вырѣзаны были лампы; члены были обязаны имѣть у себя по кольцу“ ²⁾. Такая же точно античная лампа, какая вырѣзана на печати, скрѣпившей письмо Пушкина къ Мансурову, изображена на заглавномъ листѣ книги Я. Н. Толстого „Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстаго“, СПб., 1821. Она входитъ въ составъ гравированной виньетки, гдѣ нарисованы въ облакахъ лира, якорь, а между ними—лампа. Яковъ Толстой былъ однимъ изъ членовъ общества Зеленой Лампы. Трудно предположить, что изображеніе лампы на первой страницѣ его книги было случайно и не имѣло опредѣленнаго смысла. Г. Щеголевъ говоритъ объ обмѣнѣ кольцами, которымъ члены „Зеленой Лампы“ скрѣпляли „взаимную клятву“ ³⁾. Быть можетъ, то кольцо, которымъ Пуш-

¹⁾ Переписка П., академич. изд., I, 93.

²⁾ «П. и его соврем.», вып. VII, стр. 30, 42.

³⁾ Ibid., 33, 34.

кинъ запечаталъ свое письмо къ Мансурову, и носило одну изъ принятыхъ въ обществѣ и хорошо понятныхъ его членамъ эмблемъ. Во всякомъ случаѣ, едва-ли случайно скрѣплено ею письмо одного ламписта къ другому, отправленное, вѣроятно, при посредствѣ третьяго члена содружества „Зеленой Лампы“.

III.

Письмо Пушкина о началѣ греческаго возстанія.

Это извѣстное письмо впервые напечаталъ П. В. Анненковъ ¹⁾ далеко не точно, съ черновика, сохранившагося въ бумагахъ Пушкина ²⁾. Бѣловикъ письма неизвѣстенъ. „5-го марта 1821 г.“—говоритъ Анненковъ—, „начались рѣзня и убійства въ Яссахъ и Галацѣ. Пушкинъ едва успѣлъ собрать первыя подробности о дѣлѣ, какъ, съ дозволенія Инзова, уѣхалъ въ Одессу и уже оттуда извѣщалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, кого-либо изъ каменскихъ жителей слѣдующимъ письмомъ о началѣ греческой революціи“... Въ подлинникѣ нѣтъ имени адресата письма, и Анненковъ высказалъ осторожное и довольно правдоподобное предположеніе, что Пушкинъ писалъ въ Каменку, гдѣ жили люди, не только раздѣлявшіе его тогдашній интересъ къ разгоравшемуся на Балканахъ и на Дунаѣ движенію, но даже сами поддерживавшіе въ поэтѣ этотъ политическій жаръ. Изъ монографіи Анненкова П. А. Ефремовъ перенесъ письмо въ VII томъ редактированнаго имъ изданія сочиненій Пушкина (Ф. Анскаго, 1882 г.) съ заголовкомъ: „Къ А. Н. Раевскому“, а затѣмъ и другіе издатели стали вносить его въ свои сборники писемъ Пушкина. Въ послѣднемъ изданіи П. А. Ефремова (Суворина, т. VI) ~~повторено~~ повторено, что оно адресовано А. Н. Раевскому и послано изъ Кишинева, хотя никакими доводами это утвержденіе не подкрѣплено. Такъ же опредѣлилъ его и П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ (литературнаго фонда и „Провѣщенія“), тоже безъ всякихъ доказательствъ. Тѣ же обозначенія адресата и мѣста написанія письма находимъ и въ академическомъ изданіи переписки Пушкина, откуда оно было перепечатано въ вышедшемъ недавно I томѣ „Архива Раевскихъ“.

Не понятно, почему-сѣ издатели, начиная съ Ефремова, считаютъ это письмо адресованнымъ А. Н. Раевскому. Вопросъ этотъ лишень значенія для біографіи Пушкина, именно для исторіи

¹⁾ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 185—188.

²⁾ Румянцовс. музей, тетр. № 2386 -Д, л. л. 8, 72 (см. «Русск. Стар.» 1884 г., декабрь, 541).

его отношеній къ знаменитому „Демону“, и изученіе этихъ отношеній приводитъ насъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Именно А. Н. Раевскому изъ всего кievско-каменскаго кружка знакомыхъ и друзей Пушкина это письмо менѣ всего могло быть адресовано.

1821 годъ былъ временемъ расцвѣта „вольнолюбивыхъ надеждъ“ Пушкина, которымъ дало сильный толчокъ греческое движеніе, разыгравшееся на самой границѣ Бессарабіи и отчасти даже въ русскихъ предѣлахъ. Тогда поэтъ горячо взывалъ: „Возстань, о Греція, возстань“... ¹⁾ и въ извѣстныхъ стихахъ къ В. Л. Давыдову выразилъ надежду „кровавой чаши причаститься“. Въ одномъ греческомъ обществѣ, гдѣ нѣкоторые сомнѣвались въ успѣхѣхъ возстанія, Пушкинъ „между пятью греками одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ сомнѣвались въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи“—разсказываетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—„Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставятъ цвѣтушую страну Элады наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла“. Событія, которыя переживалъ онъ тогда, захватили его всего; въ этой эпохѣ онъ видѣлъ прежде всего славную эпоху греческаго возстанія и писалъ („Къ Овидію“) о своей жизни въ Бессарабіи:

Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ...

Анненковъ не могъ не обратить вниманіе на „восторженный тонъ по поводу возстанія, которымъ отличается письмо“, сообщенное имъ. Дѣйствительно онъ дышитъ горячимъ энтузіазмомъ юнаго „либералиста“. „Прекрасныя минуты надежды и свободы... Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; всѣ мысли устремлены къ одному предмету— на независимость древняго отечества. Въ Одессахъ ²⁾ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи... Кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи. Странная картина! Два великихъ народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ изъ праха и возобновленные являются на

¹⁾ См. наши замѣтки въ „Русс. Стар.“ 1908 г., мартъ, 661—662, и въ вѣнгеровскомъ изданіи сочиненій Пушкина, II, 615—616.

²⁾ Такъ называлъ Одессу не одинъ Пушкинъ (см., напр., „Архивъ Раевскихъ“, I, 276).

политическомъ поприщѣ міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ и мертвый иль побѣдитель онъ принадлежитъ исторіи—завидная участь!“... Лицо, которому писалъ Пушкинъ, очевидно, раздѣляло взгляды поэта, дѣлившагося съ нимъ не только свѣдѣніями, но и чувствами, и, вѣроятно, даже само просило друга сообщать о ходѣ греческихъ дѣлъ. И поэтъ пишетъ: „вотъ тебѣ подробный отчетъ послѣднихъ происшествій нашего края... Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять“... У Пушкина есть еще два черновыя письма, относящіяся уже къ одесскому періоду жизни поэта и обращенныя, по словамъ Анненкова, одно — „къ какому-то дальнему пріятелю“ ¹⁾ а другое — „къ кому-то въ Петербургѣ“ ²⁾. Прежній пылъ поэта остылъ, онъ разочаровался во многомъ и, между прочимъ, въ грекахъ, въ которыхъ прежде видѣлъ сплошь Леонидовъ и Мильтіадовъ, а теперь сталъ замѣчать „карманныхъ ворешекъ, трусовъ и бродягъ“. Оба эти письма издатели ³⁾ считаютъ, хотя не безъ колебанія (съ знакомъ вопроса), адресованными тоже А. Н. Раевскому. Б. Л. Модзалевскій ⁴⁾ отказался признать ихъ обращенными къ Раевскому на томъ основаніи, что онъ „въ то время (іюнь 1824 г.) жилъ также въ Одессѣ“. Письма, конечно, писаны въ Одессѣ, въ нихъ отразились одесскія настроенія Пушкина и пріобрѣтенный имъ въ Одессѣ жизненный опытъ, но датированіе ихъ именно іюнемъ 1824 г. ⁵⁾ не имѣетъ основаній, и датировать ихъ опредѣленно, чѣмъ концомъ 1823 г. или первой половиной 1824 г., невозможно. Письма эти, такъ же, какъ и письмо 1821 г., не могли быть адресованы А. Н. Раевскому. Быть можетъ, всѣ они были посланы не разнымъ лицамъ, а одному, но этимъ лицомъ не былъ А. Н. Раевскій.

Прототипъ, почти оригиналъ пушкинскаго „Демона“ въ наши дни выясненъ достаточно хорошо. Среди всѣхъ окружавшихъ Пушкина и близкихъ ему людей А. Н. Раевскій — одна изъ самыхъ оригинальныхъ и яркихъ фигуръ. Это былъ прежде всего скептикъ, отъ котораго вѣяло холодомъ, и его дружба вливала въ душу поэта сладкій, но „хладный ядъ“, и печальны были ихъ встрѣчи. Едва появился въ печати „Демонъ“, всѣ узнали Раевскаго. Скептицизмъ

¹⁾ П. въ Александр, эпоху, 203.

²⁾ Тамъ же, 206.

³⁾ П. О. Морозовъ въ обонхъ своихъ изданіяхъ, П. А. Ефремовъ, В. И. Сантовъ.

⁴⁾ «Архивъ Раевскихъ», I, 233.

⁵⁾ Эта дата дана академическимъ изданіемъ переписки Пушкина, которымъ пользовался редакторъ „Архива Раевскихъ“.

его не щадилъ ничего и, конечно, распространялся и на политическія увлеченія его друзей и современниковъ. Это помогло ему уцѣлѣть въ бурю 1825—1826 г.г. Когда онъ и его братъ были арестованы и увезены въ Петербургъ, ихъ отецъ писалъ: „Я безъ основанія утверждать не стану, но отвѣчаю за ихъ невинность, за ихъ образъ мыслей и за ихъ поступки“¹⁾. а нетрудно понять, какой смыслъ вкладывалъ въ эти слова старшій служака, „свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человекъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный“, какъ охарактеризовалъ его Пушкинъ, но, конечно, далекій отъ чувствъ и стремленій молодежи двадцатыхъ годовъ и едва-ли хоть краемъ уха прислушивавшійся къ шумѣвшимъ вокругъ него въ Каменкѣ и Кіевѣ „демогагическимъ спорамъ“. Когда Воронцовъ, желая найти поводъ къ высылкѣ изъ Одессы А. Н. Раевского, оклеветалъ своего личнаго врага въ политической неблагонадежности, старикъ отецъ съ рѣзкой прямою и горячностію писалъ Государю: „сынъ мой не въ состояніи говорить, ни мыслить противъ правительства“²⁾... Того же мнѣнія былъ о немъ и Пушкинъ, который, узнавъ объ его арестѣ, писалъ Дельвигу: „мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности“... Скептическій и осторожно-холодный „Демонъ“, въ концѣ 1820 г., въ Каменкѣ, рассказываетъ И. Д. Якушкинъ³⁾, „не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ него... Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобы сбить съ толку Раевского насчетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу, или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полусуштливымъ и полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія, и т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: насколько было бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? Самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. Л. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество Россіи.

¹⁾ „Архивъ Раевскихъ“, I, 264.

²⁾ Ibid., 396.

³⁾ Записки, изд. 2-ое, М., 1905, стр. 50—52.

Тутъ, испросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно; Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой; въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ не трудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились бы?—„Напротивъ, навѣрное бы присоединился“, отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ давайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: разумѣется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись“... Завѣдомаго скептика, домашняго Мефистофеля, искренности словъ котораго никто не довѣрялъ, хотѣли вышутить и прочить, справедливо увидѣвъ въ его поведеніи—„выходку“. Жѣнатый на его сестрѣ князь С. Г. Волконскій ¹⁾ аттестуетъ его „человѣкомъ хитрымъ и осторожнымъ“. Двухъ мнѣній о Раевскомъ не было ²⁾. Всегда вѣрный себѣ, онъ былъ для всѣхъ одинъ и тотъ же. Столкновеніе съ этой натурой заставляло душу Пушкина не расширяться, а сжиматься, и едва-ли такой умный человѣкъ какъ Пушкинъ, бывшій къ тому же свидѣтелемъ описанной Якушкинымъ „выходки“ Раевского, сталъ бы писать „Демону“ свое восторженное письмо о греческомъ возстаніи. Въ 1823 г. поэтъ писалъ, что въ тѣ дни, когда ему „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“, т. е. гораздо раньше 1823 г., еще при первыхъ встрѣчахъ съ Раевскимъ, „Демонъ“ звалъ прекрасное мечтою и смѣялся надъ любовью и надъ свободой.

Наконецъ, у насъ есть свидѣтельство самого Раевского, который говорилъ Пушкину (въ единственномъ дошедшемъ до насъ письмѣ къ нему: „Je ne vous ai jamais parlé politique; vous savez que je n'ai pas grand respect pour celle des poètes“... Пушкинъ обладалъ удивительно-вѣрнымъ житейскимъ тактомъ; его переписка показываетъ, какъ легко, совершенно инстинктивно онъ умѣлъ приспособляться къ характерамъ и интересамъ своихъ корреспондентовъ; онъ далекъ былъ отъ всякихъ изліяній, когда чувствовалъ, что они могутъ пасть на скудную, негостепріимную почву. Познакомившись съ „Горемъ отъ ума“, онъ сталъ на сторону героя, но пожалѣлъ о его безтактности: „все что говорить онъ очень умно.

¹⁾ Записки, изд. 1902 г., стр. 410.

²⁾ О Раевскомъ см. очеркъ М. О. Гершензона «Орловъ» (въ «Исторіи Молодой Россіи») и мою ст. въ венгеровс. изд. сочин. Пушкина, II, 619—623.

Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло“... Сталъ ли бы Пушкинъ искать сочувствія своимъ „вольнолюбивымъ надеждамъ“ у того, кто „не вѣрилъ свободѣ“!..

Указаніе Анненкова на каменскаго корреспондента Пушкина лишь догадка, но весьма правдоподобная. Въ Кіевѣ и Каменкѣ, бывшей однимъ изъ центровъ броженія на югѣ, Пушкинъ зналъ человѣка совсѣмъ другого склада, чѣмъ Александръ Раевскій. Это былъ одинъ изъ хозяевъ Каменки, Василій Львовичъ Давыдовъ ¹⁾, впоследствии декабристъ. На его половинѣ, по разсказу Якушкина, происходили „демагогическіе споры“; онъ состоялъ предсѣдателемъ каменской управы тульчинской думы. Въ томъ же 1821 г., и почти въ одно время съ письмомъ о греческомъ возстаніи (когда „на берегахъ Дуная бунтуетъ нашъ безрукой князь“), Пушкинъ написалъ Давыдову извѣстное посланіе, по духу и отчасти по содержанію весьма схожее съ интересующимъ насъ письмомъ.

...Все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоёмъ виныѣ...
Вотъ эвхаристія другая
Когда и ты и милый братъ
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ—
Спасенья чашу наполняли
Безпѣвной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали!..
Но *ты* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едва-ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но—нѣтъ—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чаши причастимся
И я скажу: Христось воскресъ...

„Тѣ“ и „та“ по вѣрному объясненію Анненкова ²⁾,—итальянскіе карбонаріи и Франція, въ которой снова утвердились Бурбоны. Въ письмѣ Пушкинъ говоритъ о возрожденіи „двухъ великихъ на-

¹⁾ О немъ см. „Архивъ Раевскихъ“, I, 205; венгеровск. изд. сочиненій Пушкина, II, 564.

²⁾ II. въ Алекс. эпоху, 184.

родовъ, давно падшихъ въ презрительное ничтожество“. Одинъ народъ — греки, возстанію которыхъ посвящено письмо, другой — итальянцы, начавшіе „шалить“ въ Неаполѣ. Въ стихахъ поэтъ надѣялся причаститься кровавой чаши; въ прозѣ же онъ предвидѣлъ „послѣдствія, важныя не только для нашего края ¹⁾, но и для всей Европы [—особенно для Россіи]“. Энтузіазмъ письма не такъ горячъ, какъ бурный пылъ, проникающій посланіе, но въ тонѣ много общаго, и впечатлѣніе говорить, что и письмо, и посланіе обращены къ одному лицу.

Предположеніе, что о греческомъ возстаніи Пушкинъ писалъ именно В. Л. Давыдову, конечно, гораздо вѣроятнѣе прежняго предположенія. Во всякомъ случаѣ этимъ корреспондентомъ поэта не былъ Александръ Раевскій.

Датируется письмо разнo. П. А. Ефремовъ отнесъ его къ марту или апрѣлю, П. О. Морозовъ—также; В. И. Саятовъ—къ марту. Пушкинъ говоритъ: „въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища“... и т. д.; значитъ, письмо писано или въ Одессѣ, или по возвращеніи изъ Одессы. Пушкинъ, по словамъ П. И. Бартенева ²⁾, былъ въ Одессѣ въ половинѣ мая. 15 мая и Одессой помѣченъ эпиграфъ „Кавказскаго плѣнника“. Еще 2 мая Пушкинъ выдалъ кишиневской полиціи росписку въ полученіи повѣстки объ уплатѣ денежнаго долга, а 5 мая далъ письменный отзывъ на это требованіе ³⁾. Значитъ, еще въ началѣ мая онъ былъ въ Кишиневѣ и лишь потомъ очутился въ Одессѣ. Одно изъ двухъ: или письмо было писано въ маѣ, если поѣздка въ Одессу была весною 1821 г. одна, или въ апрѣлѣ, если Пушкинъ совершилъ поѣздку туда еще раньше. При близости Кишинева и Одессы ему это было нетрудно, тѣмъ болѣе, что Инзовъ, разрѣшавшій ему отлучки, былъ очень снисходителенъ къ нему. Весьма возможно, что весною 1821 г. Пушкинъ былъ въ Одессѣ два раза, въ апрѣлѣ и въ маѣ. 23 марта онъ писалъ Дельвигу: „Недавно приѣхалъ въ Кишиневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію, есть страны благословеннѣе“... Это былъ намекъ на Одессу; въ „Онѣгинѣ“ Пушкинъ назвалъ ее: „благословенные края“. Пушкинъ возвратился изъ Кишинева въ

¹⁾ Т. е. Бессарабін.

²⁾ «Русс. Арх.» 1866 г. ст. 1139, 1151, 1152.

³⁾ «Дѣло по 2-му столу кишиневской градской полиціи о взысканіи съ коллежскаго секретаря Александра Пушкина 2000 руб., должныхъ дворовому человѣку капитана фонъ-Лоде Федору Роснву», лл. 9 и 10 (см. Отчетъ И. Публ. Библіотеки за 1900 и 1901 гг., стр. 231).

первыхъ числахъ марта ¹⁾). Значить, въ мартѣ онъ въ Одессѣ не былъ, и письмо во всякомъ случаѣ не могло быть написано въ мартѣ.

Всѣ издатели писемъ Пушкина согласно помѣчаютъ письмо о греческомъ возстаніи Кишиневомъ. Анненковъ говоритъ, что оно было писано изъ Одессы. Разрѣшить это колебаніе не представляется возможнымъ. Слова: „въ Одессахъ я уже не засталъ“... одинаково могли быть написаны какъ въ Кишиневѣ, такъ и въ Одессѣ.

IV.

Два объясненія.

Въ помѣщенныхъ во II томѣ издаваемаго С. А. Венгеровымъ собранія сочиненій Пушкина примѣчанія къ одѣ „Кинжалъ“ приведены два стиха изъ недошедшей до насъ сатиры А. Г. Родзянко на Пушкина:

И всѣ его права иль два иль три Ноэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля...

Словамъ „всѣ его права“ дано такое толкованіе: „можетъ быть, намекъ на оду „Вольность“, гдѣ Пушкинъ провозглашаетъ ненарушимость правъ гражданина и превозноситъ твердость законовъ“. А. Грузинскій, разбирая II томъ венгеровскаго изданія ²⁾, предложилъ другое объясненіе: „изъ сатиры Родзянки извѣстны только приведенные два стиха; но общій пренебрежительный ея тонъ ясенъ и изъ нихъ. Напрашивается всего скорѣе предположеніе, что Родзянко считалъ сочиненіе „Ноэля“, „Кинжала“ и браваду съ портретомъ убійцы герцога Беррійскаго ничтожными или предосудительными правами Пушкина на политическую роль и значеніе; видѣтъ здѣсь сопоставленіе съ одой „Вольность“ нѣтъ основаній“.

Все дѣло въ томъ, какъ читать эти два стиха. Г. Грузинскій видитъ въ нихъ законченное предложеніе: „всѣ его права (суть) иль два, иль три Ноэля“... и т. д. Если такъ, то предлагаемое имъ толкованіе должно быть принято безъ отговорокъ. Но можно считать эти вырванные изъ сатиры стихи лишь частью предложенія, гдѣ слова—права, Ноэли, гимнъ, портретъ служатъ лишь равносильными подлежащими въ предложеніи, сказуемое котораго намъ неизвѣстно. Тогда придется принять вышеприведенное объясненіе,

¹⁾ «Русс. Арх.» 1866 г., ст. 139; «Москвитянинъ» 1850 г., апрѣль, кн 1, стр. 195—196.

²⁾ „Русская Мысль“ 1908 г., ноябрь, библиографія, стр. 23—235.

предложенное нами. Думается, что если бы въ этихъ двухъ стихахъ заключалось полное предложеніе: то едва-ли Родзянко ска- залъ бы: „иль два, иль три Ноэля“, а не просто: „два - или три Ноэля“, что было бы гораздо складнѣе. Сказать: „Пушкинъ напи- салъ или два или три Ноэля“ будетъ не такъ правильно, какъ:— „Пушкинъ написалъ два или три Ноэля“. Если же считать стихи не цѣльнымъ предложеніемъ, а лишь частью предложенія, то въ связи съ пренебрежительнымъ тономъ сатиры ясно, что Родзянко могъ презрительно сказать: „всѣ его права, иль два, иль три Ноэля“ (смыслъ такой: не помню, право, сколько ихъ было)... Стихи Род- зянки извѣстны изъ письма В. И. Туманскаго, который, приводя ихъ въ своей перепискѣ съ двоюродной сестрою, съ негодованіемъ отнесся къ поступку Родзянки; трудно поручиться, что Туманскій цитировалъ законченное предложеніе, а не лишь начало его. Не- лишнее замѣтить, что Туманскому и не было, можетъ быть, надоб- ности приводить все предложеніе, такъ какъ сатира была извѣстна его корреспонденткѣ: „я вспомнилъ“—писалъ Туманскій,— „что обѣщалъ тебѣ сказать свое мнѣніе о сатирѣ Родзянки, и такъ исполню обѣщаніе“... и проч. ¹⁾). Во всякомъ случаѣ этотъ малень- кій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь тогда, когда будетъ найдена вся пьеса Родзянки.

Продолжая свои „замѣчанія, цѣлью которыхъ“—говорить кри- тикъ—„было показать, что мы просмотрѣли книгу съ полнымъ вниманіемъ“, г. Грузинскій говоритъ: „не можемъ никакъ согла- ситься и съ толкованіемъ (стр. 617), будто въ словахъ Пушкина, что онъ уничтожаетъ (въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“) *хладнаго скопца* „изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.“, инициалы должны означать тетущку Анну Львовну. Они, конечно, означаютъ мужчину: вслѣдъ за ними Пушкинъ выписываетъ четыре строки изъ поэмы въ новой редакціи, очевидно тутъ же сѣмпровизиро- ванной въ примѣненіи къ этому А. Л.: „Не зрять лица его гар- ремъ“... Тетущка здѣсь и неожиданна, и комична. Добавимъ, что такое чтеніе инициаловъ впервые дано было Сайтовымъ; до сихъ поръ ихъ читали А. И., и это давало вполне подходящій смыслъ. Мы убѣждены, что если вторая буква не И, то она и не Л; но ка- кова бы она ни была, все мѣсто можетъ относиться только къ одному лицу, которое обыкновенно тутъ и принято подразу- мѣвать“.

¹⁾ Письма В. И. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія, Черниговъ 1891, стр. 11, 147.

Въ разбираемомъ г. Грузинскимъ мѣстѣ нашихъ примѣчаній къ „Бахчисарайскому Фонтану“ рѣчь шла вотъ о чемъ. Печатаніе „Бахчисарайскаго Фонтана“ Пушкинъ (онъ жилъ тогда въ Одессѣ) поручилъ своему другу кн. П. А. Вяземскому, мнѣнія котораго очень уважалъ. Вяземскій въ письмѣ, которое до насъ не дошло, посоветовалъ ему кое-что измѣнить въ текстѣ поэмы. Пушкинъ отвѣчалъ (приведемъ его письмо почти цѣликомъ, по академическому изданію его переписки, съ полной точностью).

„Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны—

Извѣтныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твои... Поставь *пронзительныхъ*. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть извѣстно публикѣ. *Хласнаго скопца* уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зрять лица его гаремъ.

Тамъ...

И не утѣшены никѣмъ,

Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: *Подъ стражею скопцовъ Гарема*. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей

Была твоя—

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красною* но *инка кр...* а слово Грузинка тутъ необходимо—впрочемъ дѣлай что хочешь“...

Письмо извѣстно какъ въ бѣловикѣ, хранящемся въ извѣстномъ Остафьевскомъ архивѣ, такъ и въ черновикѣ, записанномъ Пушкинымъ въ одной изъ своихъ черновыхъ тетрадей (Румянцевск. муз., № 2369, л. 41—см. „Русск. Стар.“ 1884 г., июнь, 567). Редакторъ академическаго изданія переписки Пушкина, пользовавшійся обоими экземплярами, удостовѣряетъ (т. I, стр. 85), что и въ бѣловой, и въ черновой редакціи инициалы, показавшіеся г. Грузинскому сомнительными, ясно читаются: „А. Л.“ П. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (VII, 57) печаталъ ихъ „А. П.“, а во второмъ своемъ изданіи („Просвѣщенія“, VIII, 48, а также III,

625) далъ несуществующій текстъ: „Александра Павловича“. Это лицо будто бы здѣсь и „принято подразумѣвать“, по мнѣнію г. Грузинскаго.

Пушкинъ указываетъ Вяземскому нѣсколько перемѣнъ въ текстѣ „Бахчисарайскаго Фонтана“. Въ текстѣ поэмы было первоначально сказано (о Заремѣ) такъ:

Чей страстный подѣлуй живѣй
Твоихъ *язвительныхъ* лобзаній?

Но первомъ изданіи (1824 г.) это мѣсто дѣйствительно измѣнено:—*произвительныхъ*. Въ рукописи говорилось (о Гиреѣ):

Забутый, преданный презрѣнью
Гаремъ не зреть его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣють жены...

Второй и четвертый изъ приведенныхъ стиховъ Вяземскій и исправилъ по указанію Пушкина, такъ что въ печатномъ текстѣ выпущеннаго Вяземскимъ перваго изданія поэмы это мѣсто читается.

Забутый, преданный презрѣнью,
Не зреть лица его гаремъ;
Тамъ, обреченныя мученью
И не утѣшены миктъмъ,
Старѣють жены...

Были внесены въ поэму и другія указанныя Пушкинымъ поправки.

Ясно, что стихи: „Не зреть лица его гаремъ“... и т. д. въ письмѣ къ Вяземскому вовсе не были „сѣмпровизированы въ примѣненіи къ А. Л.“, какъ рѣшаетъ г. Грузинскій, а просто представляютъ собою одну изъ нѣсколькихъ перемѣнъ въ текстѣ „Бахчисарайскаго Фонтана“, и что фантастическій „Александръ Павловичъ“ тутъ ни при чемъ. Пушкинъ побаивался не въ мѣру стыдливой цензуры; объ этой боязни онъ говорилъ въ письмѣ къ Вяземскому (4 ноября 1823 г.), прося его принять на себя заботу объ „этихъ безсвязныхъ отрывкахъ“. Вяземскій, вѣроятно, обратилъ его вниманіе на то, что сквозь игольное ушко цензуры едва ли пройдетъ „хладный скопецъ“, и Пушкину пришлось его устранить, какъ онъ шутилъ, „изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.“ (въ черновикѣ послѣ „хладнаго скопца уничтожаю“ даже сказано: „не столько для А. Л., какъ для“, но эти слова зачеркнуты). Въ нашихъ примѣчаніяхъ къ „Бахчисарайскому Фонтану“

было выражено мнѣніе, что А. Л.—„смѣшная тетушка поэта, старая дѣва Анна Львовна Пушкина“. Надъ этой тетушкой поэтъ всегда потѣшался. Когда она умерла, онъ почтилъ ея прахъ комической элегіей: „Охъ, тетенька! Охъ, Анна Львовна... „Тетка умерла“—писалъ онъ брату въ ноябрѣ 1824 г.:—„ѣду завтра въ Святія горы и велю отпѣть молебень или панихиду, смотря по тому, что дешевле“. Отъ дядюшки Василия Львовича, „нѣжнаго, тонкаго, остраго, надъ которымъ онъ тоже смѣялся, онъ ждалъ по этому поводу „какого-нибудь перевода“ или „хоть эпитафіи“ (письмо къ Вяземскому 29 ноября 1824 г.). Въ одномъ изъ вариантовъ къ „Графу Нулину“ Пушкинъ, вспоминая о бѣдной Аннѣ Львовнѣ, далъ въ руки своей героинѣ книгу—

Любовь Элизы и Армана
Или Нещастья двухъ семей,
Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Отрада дѣвушки невинной,
Покойной тетушки моей...

Накакихъ инициаловъ „А. П.“ въ подлинныхъ пушкинскихъ письмахъ нѣтъ, а есть „А. Л.“, истолковать которые иначе какъ „Анна Львовна“ невозможно. Находить же здѣсь, совершенно не у мѣста, „Александра Павловича“ было бы, по выраженію критика, въ поискахъ „подходящаго смысла“ не разобравшаго, что Пушкинъ не сочинялъ нарочито никакихъ стиховъ „въ примѣненіи“ къ неизвѣстно для чего выдуманному „мужчинѣ“, а просто указывалъ поправки въ текстѣ своей поэмы и вскользь пошутилъ надъ смѣшной старой дѣвой,—дѣйствительно „неожиданно и комично“.

Н. Лернеръ.

